писывая ему стремление к созданию советского правительства и заявляя, что эта политика создает опасность «разрушения демократического парламентаризма». Он называл программу из 9 пунктов «левым маршем Легина, с помощью которого он хочет предотвратить раскол и обеспечить единство»¹¹. А. Эркленц раскрывал и истинную причину своего беспокойства. «Если рабочие хотят оказывать политическое влияние, — подчеркивал он, — то они должны, на английский манер, создать одну партию типа лейбористской. Но это уже будет не чисто социалистическая партия и в любом случае не партия классовой борьбы. В нее могут войти и либеральные и христианские течения в рабочем движении»¹². Такие же мотивы были характерны и для христианских профсоюзов, заявивших, что, если профсоюзы и должны оказывать влияние на создание новых условий, «то это должны делать все профсоюзы, участвовавшие в борьбе с путчистами»¹³.

20 марта правительство Бауэра вернулось в Берлин. Оно не обещало гарантировать выполнение программы из 9 пунктов. Было дано лишь заверение, что правительственные партии обсудят эту программу, сокращенную до 8 пунктов, в своих фракциях в рейхстаге. На этих условиях 23 марта забастовка была прекращена. Части рейхсвера развернули террор против вооруженных рабочих отрядов, участвовавших в подавлении мятежников. Ни один из 9 пунктов программы, разработанной АДГБ, за исключением отставки Г. Носке и ряда других министров, не был выполнен. Профсоюзы всех направлений поддержали правительственную политику подавления боевых рабочих отрядов. Прекратив забастовку, они потеряли возможность оказывать серьезное влияние на дальнейшее развитие событий.

В марте 1920 года рабочий класс Германии имел реальные шансы добиться целей, не осуществленных в ходе Ноябрьской революции. Однако претворению этих возможностей в жизнь помешала реформистская политика правого руководства АДГБ.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 316.

² См.: Schneider M. Christliche Gewerkschaften. 1894—1933. — Bonn, 1982. — S. 366, 452.

³ См.: Pothoff H. Gewerkschaften und Politik zwischen Revolution und Inflation. — Bonn, 1979. — S. 397.

⁴ Korrespondenzblatt des Allgemeinen Deutschen Gewerkschaftsbundes. — 1920. — N 12/13. — S. 150.

⁵ Zentralblatt der christlichen Gewerkschaften Deutschlands. — 1929, 29. März.

⁶ Der Gewerkverein. — 1920. — N 7. — S. 50.

⁷ См.: Коенан В. Zur Frage der Möglichkeit einer Arbeiterregierung nach dem Kapp-Putsch // Beiträge zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung. — 1962. — N 2. — S. 348 (В дальнейшем: ВЗГ).

⁸ Цит по: Коппеманн Е. Zum Problem der Bildung einer Arbeiterregierung nach dem Kapp-Putsch // ВЗГ. — 1963. — N 5/6. — S. 906.

⁹ Biegert H.-H. Gewerkschaftspolitik in der Phase des Kapp-Lutwitz-Putsches // Industrielle System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik. — Düsseldorf. — 1974. — S. 198.

¹⁰ Zentralblatt... — 1920, 29. März.

¹¹ Zentrales Staatsarchiv Potsdam, Reichslandbund. Pressearchiv. — N 8214, Bl. 108.

¹² Там же.

¹³ Deutsche Allgemeine Zeitung. — 1920, 30. März.

К. А. РЕВЯКО

СОВРЕМЕННАЯ АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПУНИЧЕСКИХ ВОЙНАХ

Углубление общего кризиса капитализма, крах колониальной системы, укрепление социалистического лагеря не могли не найти отражения в развитии англо-американского антиковедения. Современные англо-американские историки большое внимание уделяют внешней политике Рима, римским завоеваниям и системе управления завоеванными территориями. Хотя они не восхваляют прямолинейно римских завоеваний, однако придерживаются мнения, что завоевание Римом Средиземноморья не было результатом заранее подготовленного плана покорения других народов. Воюя с Карфагеном, Рим, по их мнению, прежде всего беспокоился о своей безопасности. Такие исследователи так или иначе скатываются на позиции

защиты агрессии, выступая апологетами римского империализма. Конечно, нужно учитывать своеобразие этого «империализма». Империалистская политика вовсе не означала существование капитализма, о котором так много пишут буржуазные исследователи. В. И. Ленин по этому поводу заметил, что «колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма. Рим, основанный на рабстве, вел колониальную политику и осуществлял империализм»¹.

«Империализм Римской республики»² — так называется сборник, в котором помещен ряд исследований ученых различных стран. Все статьи, относящиеся к Пуническим войнам, написаны с позиций модернизации истории и защиты римской агрессии. М. Кэри называет первую Пуническую войну случайной³. Рим, по его мнению, был втянут в эту войну по необходимости. Военные действия Рима на Балканах М. Олло называет превентивными⁴. Он также пытается реабилитировать римские захваты в Африке. В книгу включена и статья М. Ростовцева «Роль экономического фактора»⁵. По его мнению, после Пунических войн в Италии успешно развивался капитализм, а вместе с этим увеличивался размах римской колонизации. Итальянские капиталисты и землевладельцы, возглавляемые Катонем, и явились той силой, которая настояла на полном разрушении Карфагена. Исследователь считает «римскую буржуазию» ответственной за развитие римского империализма: «...буржуазия оказывала молчаливую поддержку безжалостной политике Рима по отношению к Карфагену...», а после его уничтожения представители буржуазии «оказывали твердую поддержку правительству, когда оно предпринимало первые шаги на пути к империализму». Развитие Италии после Пунических войн, по словам М. Ростовцева, «имело далеко идущие последствия для политической, социальной и экономической жизни страны. Рим перестал быть чисто крестьянской, сельскохозяйственной страной, управляемой аристократами-землевладельцами... По всей Италии появлялся не только влиятельный класс деловых людей, но и настоящая зажиточная городская буржуазия»⁶. Из рассуждений М. Ростовцева следует вывод, что экономический фактор был определяющим в развязывании войн не только Римом, но и всеми античными государствами.

Противоположные суждения высказывает исследователь В. Харрис⁷. По его мнению, все рассуждения об экономических факторах войн — это миф и внешняя политика Рима во II веке до н. э. не зависела от них. Хотя рассуждения об отсутствии у Рима экономических выгод от войн, считает исследователь, покажутся странными поколению, воспитанному на идеях Маркса, но это факт. Харрис знаком с исследованием Е. М. Штаерман «Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике» (М., 1964). Он положительно его оценивает и заявляет, что не только потребность в рабах была основной причиной войн Рима, а были и другие причины, о которых пишет Е. М. Штаерман, и приводит различные мнения советских ученых по этому вопросу.

Второй параграф первой главы книги Харриса посвящен отношению римского народа к войне. Харрис прав, говоря, что во многом исход войн зависел и от тех, кто находился на полях сражений, и от тех, кто обещивал их всем необходимым. Он приходит к выводу о тесном единении сената и народа в оценке войн, но вместе с тем, ссылаясь на источники (Полибия, Ливия, Диодора Сицилийского и Плутарха), отмечает и случаи расхождения мнений сената и народа. Как источник фактов для освещения отношения воинов и гражданского населения к войнам автор использует Плавта, художественные произведения которого правдиво отразили эту проблему.

Книга Харриса насыщена интересными статистическими данными, взятыми из различных источников и исследований. Интересно рассказывает исследователь о привлечении в римские легионы во время второй Пунической (Ганнибаловой) войны ассидуев — представителей беднейших слоев населения, ранее не призывавшихся в армию. Представляет интерес и его полемика с некоторыми историками о сроках службы в легионах. Он заявляет, что для пехоты был установлен срок в 16 лет, а не 6 или 7 лет, как необоснованно утверждают некоторые авторы⁸. Надо отметить, что Харрис пишет и о ненависти народов к войне, о необходимости прекращения войн⁹. Однако захватнические войны Рима автор оправдывает. Пятую главу о борьбе Рима с Карфагеном он назвал «Империализм и самозащита». По его глубокому убеждению, Рим, воюя с Карфагеном, руководствовался только соображениями самозащиты.

К серии работ, оправдывающих римскую агрессию, примыкает также монография Г. Скалларда «Сципион Африканский: полководец и политик»¹⁰. Игнорируя данные источников, исследователь стремится доказать, что не борьба классов, а борьба родов и семей определяла и направляла политику Рима. Внимание автора приковано к соперничеству отдельных родовых и фамильных группировок римского нобилитета. Он отрицает классовую борьбу и роль народных масс в истории.

Исследуя причины Пунических войн, Скаллард верно пишет, что виновниками их являются обе стороны: Рим и Карфаген. В римском нобилитете за войну с Карфагеном особенно ратовала сципионовско-эмилиановская группировка. Исследователь преувеличивает роль Сципиона как полководца и политика в Ганнибаловой войне. Модернизируя историю Рима и находя в особенностях его экономики черты капитализма, он сравнивает Ганнибала с Наполеоном. Затусhevывая римскую агрессию, автор вслед за Т. Моммзеном называет ее «оборонительным империализмом». По Скалларду, не экономическими и торговыми, а только политическими интересами руководствовался Рим в войнах. Он пишет, что римляне экономически не были заинтересованы в разрушении Карфагена, они разрушили его из-за боязни захвата города нумидийским царем Масиниссоу.

Более плодотворной представляется разработка проблемы Пунических войн в научной-популярной книге Т. Дори и Д. Дюли «Рим против Карфагена», в которой дается обзор трех Пунических войн, «сыгравших, — по мнению авторов, — решающую роль в определении курса западной цивилизации»¹¹. Они исследовали театры военных действий, политические истоки войн, программы партийных группировок и их вождей (карфагенской и римской сторон), а также «человеческие чувства, которые имели, возможно, столь же решающее значение, как и военные кампании...»¹².

Исследователи справедливо придают большое значение количественному превосходству римской армии над карфагенской, замечая, что военные ресурсы Рима были несравнимы с любыми другими средиземноморскими государствами. Они пишут, ссылаясь на Тита Ливия и Полибия, что способность римлян быстро восстанавливать не только физические, но и духовные силы всегда вызывала восхищение. Они же правильно отмечают и слабые стороны военной организации римлян — ежегодную смену консулов, готовых скорее принять условия врага на переговорах, нежели позволить своему преемнику воспользоваться заслуженной славой. «Слабость Карфагена, — по их мнению, — заключалась в том, что он не смог использовать людские резервы Северной Африки, как это сделал Рим в Италии»¹³.

Определяя истоки Пунических войн, Т. Дори и Д. Дюли традиционно утверждают, что борьба из-за Сицилии — основная причина первой войны Рима с Карфагеном. Говоря о причинах Ганнибаловой войны, они верно отмечают, что семена ее были посеяны уже в конце первой. Ими выделены три ее причины: 1) враждебное отношение Гамилькара (карфагенского полководца) к Риму, 2) присоединение Римом Сардинии (238 г. до н. э.) и 3) усиление Карфагена в Испании. Что же касается третьей Пунической войны, то, по мнению исследователей, для Рима она была вынужденной.

Авторы считают, что вторая Пуническая война была войной за мировую империю. Они модернистски уподобляют ее войнам XVIII и XIX веков, а Ганнибала — Наполеону. Противопоставляя Рим Карфагену, Т. Дори и Д. Дюли противопоставляют Запад Востоку. Они пишут, что в борьбе с Востоком Запад дважды одерживал решающие победы: первый раз в войне греков и персов в V в. до н. э., второй — в войне Рима с Карфагеном. Римляне, по их определению, отдающему расизмом, обеспечили на протяжении тысячелетий господствующее развитие западной культуры, а не восточной, пунической, семитской культуры.

Апологетом римских завоеваний в современном англо-американском антиковедении является Р. М. Эррингтон¹⁴, который в духе Т. Моммзена — Т. Франка доказывает, что Рим не ставил своей целью завоевание Средиземноморья, чтобы покорить и эксплуатировать другие народы. Войны Рима были необходимы только для того, чтобы обеспечить себе безопасность. Эррингтон разделяет римскую экспансию на несколько этапов и, комментируя каждый из них, утверждает о стремлении Рима только к собственной безопасности.

В 1978 году в Англии издано монументальное исследование Дж. Лэйзнби «Ганнибалова война. Военная история второй Пунической войны»¹⁵. Автор скрупулезно анализирует предысторию войны, политическое и экономическое состояние Рима и Карфагена накануне похода Ганнибала на

Рим, его маршрут по Италии и план молниеносной войны. Особенностью данного исследования является то, что автор обратил внимание на изменение в социальном составе римской армии: снижение имущественного ценза и призыв в армию плебеев шестого разряда. По его рассуждениям, заставляющим внимания, Рим после битвы при Каннах вынужден был увеличить численность армии и пополнить ее за счет беднейших плебеев. Опираясь на сообщения Полибия о количественном соотношении легионов, автор предполагает, что снижение имущественного ценза и призыв в сухопутную армию плебеев низшего разряда произошли в 215 или даже в 216 году¹⁶.

История трех Пунических войн с их предысторией и последствиями, изложенная в популярной книге «Пунические войны» профессором Лондонского университета Б. Кэвеном¹⁷, привлекает внимание читателя простотой изложения сложных проблем, обилием иллюстративного документального материала. В заслугу автору следует поставить то, что он освещает исторические события не с позиций «оборонительного империализма», а, наоборот, оправдывает Карфаген. И все же методология Кэвена определяется модернистскими воззрениями.

Одна из особенностей современной буржуазной историографии античности, в том числе и англо-американской, проявляется в повышенном интересе к биографическим исследованиям. Жизнеописания полководцев Пунических войн издаются массовыми тиражами. Это связано с убеждениями, что сложный и противоречивый исторический процесс понять невозможно. Реально можно проследить лишь судьбы исторических личностей, а через них раскрыть и особенности исторического периода. В изложении биографий полководцев авторы стремятся покончить с неверными, по их мнению, устоявшимися концепциями. Многочисленные биографии Ганнибала повествуют, что он вовсе не был поработителем покоренных народов, а проявил себя как освободитель их от римского гнета. Благородный характер, великий человек, гений — таким он предстает перед читателем.

Классики марксизма-ленинизма не отрицали роли личности в истории, однако постоянно опровергали антинаучные доводы о том, что все и всякие перевороты в обществе обязаны гениальным личностям. Ф. Энгельс подчеркивал, что деятельность полководцев определяется не их волей, а материальным производством, полностью зависящим от народных масс.

Итак, англо-американская историография античности за последние годы внесла существенный вклад в дальнейшую разработку многих актуальных проблем истории Пунических войн. Разносторонние вопросы разработаны очень тщательно: подробно исследованы предыстория войн, ход военных действий, отдельные сражения. Вместе с тем большинство авторов являются защитниками римской агрессии, стремятся показать вынужденную необходимость Пунических войн, выступают в качестве апологетов римского империализма. Некоторые историки преувеличивают роль полководцев, недооценивая роль народных масс в войнах. Переоценивают они также и значение политической системы Древнего Рима, недостаточно уделяя внимания социальным и экономическим факторам.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 27.—С. 379.

² См: Imperialism in the Roman Republic // Ed. dy E. S. Gruen.—New York, 1970.

³ См.: Cary M. Accidental War // Ibid.—P. 31—33.

⁴ См.: Holleauch M. Preventive Warfare // Ibid.—P. 40.

⁵ Rostovtzeff M. The Role of Economic Motivation // Ibid.—P. 85.

⁶ Ibid.—P. 90.

⁷ См.: Harris W. V. War and Imperialism in Republican Rome 327—70 B. C.—Oxford, 1979.

⁸ Ibid.—P. 45.

⁹ Ibid.—P. 47.

¹⁰ См.: Scullard H. H. Scipio Africanus: Soldier and Politician.—London, 1970.

¹¹ Dorey T. A., Dueley D. R. Rome against Carthage: A History of the Punic Wars—Garden City; New York, 1971.—P. XIII.

¹² Ibid.—P. 1.

¹³ Ibid.—P. 27.

¹⁴ См.: Errington R. M. The Dawn of Empire: Rome's Rise to World Power.—London, 1972; New York, 1973.

¹⁵ См.: Lazenby J. F. Hannibal's War: A Military History of the Second Punic War.—Warminster; Aris, 1978.

¹⁶ Ibid.—P. 100—101.

¹⁷ См.: Caven B. The Punic Wars.—New York; St. Martin, 1980.